

RU

Проблема определения источников заимствованных возвратных слов на материале турецкого и адыгских языков

Джанкылыч А.

Аннотация. Цель работы - исследовать слова-возвраты, вошедшие в словарный запас народов Персии и Египта из адыгских языков в период войны адыгов с Османской империей (1864 г.). Это термины, которые были заимствованы другими языками и с фонетическими и семантическими изменениями вернулись в активный словарь адыгских языков. Научная новизна исследования видится в том, что впервые, учитывая многообразие подходов к изучению данного вопроса на материале русского, арабского, турецкого, адыгских языков, мы определяем источники нескольких заимствований, в некоторых вопросах отличные от мнения лингвистов. Полученные результаты показали, что многие слова, считавшиеся заимствованиями из турецкого языка, на самом деле являются исконно адыгскими.

EN

Problem of Determining Borrowed Reflexive Words Sources by the Material of the Turkish and Adyghe Languages

Dzhankylych A.

Abstract. The aim of the research is to study the reflexive words that entered the vocabulary of Persia and Egypt peoples from the Adyghe languages during the war between the Adyghe and the Ottoman Empire (1864). These are terms that were borrowed by other languages and returned to the active vocabulary of the Adyghe languages with phonetic and semantic changes. The scientific novelty of the research is in the fact that for the first time, given the variety of approaches to the study of this issue by the material of the Russian, Arabic, Turkish, Adyghe languages, the author determines the sources of several borrowings, in some respects different from linguists' opinion. The results obtained have shown that a lot of words that were considered as borrowings from the Turkish language are in fact native Adyghe ones.

Введение

В современное время, как и много веков назад, человек для того, чтобы сохранить свою честь и достоинство или уберечь семью от войны и голода, вынужден кочевать по разным местам. Одномоментно он не может забыть свой родной язык, обычаи и традиции своих отцов и дедов, среди которых рос и воспитывался, и перенять культуру и быт других народов. Если ребенок, родившийся в чужой стране, среди чужой культуры, быстро ориентируется и легко принимает все этнические и языковые особенности, то старшее поколение сопротивляется данному процессу, пытаясь сохранить этническое наследие, привить подрастающему поколению определенные качества, пропитанные культурным и традиционным колоритом. Однако эти задачи не всегда оказываются разрешимыми, поскольку с каждым днем утрачиваются культурные и языковые особенности народа. Потеря языка чревата исчезновением самого народа (например, трагическая история убыхов) (Шинкуба, 1989) или его ассимиляцией среди других этносов.

У некоторых людей национальная культура настолько вплетена в их сущность, что им не свойственно перенимать чужую этноспецифику. Более того, в некоторых случаях они «навязывают» свои обычаи и традиции другим народам и делятся некоторой частью своей этнокультуры и лингвокультуры.

Когда несколько национальностей живут на одной местности, они не могут развиваться обособленно. Онтогенез, при котором народы обмениваются знаниями, умениями, бытом, обычаями и некоторыми языковыми единицами, всегда происходит с нескольких сторон. В связи с этим мы считаем целесообразным наблюдать данный процесс именно через языковые трансформации, т.к. здесь работает тот же принцип – речь не только заимствует определенные термины, но и заимствуется другими контактирующими (или коррелирующими) с ней языками.

Актуальность работы заключается в том, что появилась необходимость выявить и устранить имеющиеся в этимологических словарях некоторые неточности, т.к. решение данной проблемы поможет удовлетворить потребности современной науки в сфере этимологии. Мы подвергли анализу заимствуемые слова из адыгских языков в турецкий, оспаривая при этом мнения некоторых лингвистов об источниках этих заимствований.

Для достижения поставленной цели нам необходимо решить следующие задачи:

1) провести аналитический обзор всех этимологических исследований и словарей по интересующим нам языкам;

2) проследить путь заимствования и трансформации слова;

3) определить способ заимствования и возврата в исконный язык.

При подготовке данного исследования мы использовали следующие методы: для подбора материала мы применяли метод наблюдения, проводили анализ как научного, так и иллюстративного материала, также для выявления сходств и различий, для определения исконности/заимствованности термина применяли сравнительно-сопоставительный, синхронно-описательный методы анализа на основе 5 языков.

Теоретической базой нашей статьи послужили этимологические исследования: Б. Х. Балкаров (1964) «Лексические встречи адыгских языков с дагестанскими»; А. К. Шагиров (1989) «Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков»; С. К. Абрегова (2007) «Значение лексики шапсугского диалекта для исторической лексикологии и ее роль в обогащении словарного состава адыгейского литературного языка». В данных работах в разной степени рассматриваются заимствования и их путь в языке. Также для подбора материала использовались следующие словари: А. К. Шагиров (1977) «Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков»; Ю. Тхъакъуахъ (1991) «Адыгэ-Урыс гушыӀалъ»; R. Baalbaki (1995) «A Modern Arabic-English Dictionary»; Н. Eren (1999) «Türk Dilinini Etimolojik Sözlüğü»; «Кабардинско-русский словарь» (1957); Г. А. Крылов (2005) «Этимологический словарь русского языка» и др.

Результаты нашего исследования обладают как теоретической, так и практической значимостью и могут быть использованы в процессе разработок этимологических словарей или же при изучении кавказских и тюркских языков.

Основная часть

На исходе Русско-кавказской войны адыгский народ был раскидан по разным странам: некоторая часть живет за рубежом, остальная проживает на исторической родине. В то время как у коренных адыгов какое-либо слово становится архаизмом и исчезает из языка, через речь эмигрировавших данный термин может сохраниться в языке тех народов, с которыми они контактируют, в немного лексически и фонетически видоизмененном варианте или же в первоначальном виде. Это слово через некоторое время может вернуться в исконную речь. Такие выражения мы и называем словами-возвратами. Это слова, устаревшие на родине, вышедшие из употребления и вернувшиеся в преобразованном виде в исконный язык. В этом случае пристальное внимание лингвистов должно быть обращено на выявление этимологических изменений. По нашему мнению, заимствованиями в других языках могут заниматься только живущие за границей лингвисты-адыговеды, для которых адыгский язык является родным.

Согласно мнению историков, адыги подвергались изгнанию не один раз. Еще до Русско-кавказской войны с ними воевали и татаро-монголы. Они переселились не только в Турцию и Персию, но и в арабские страны, в Египет, что освещается в исторических изданиях (Kafkasyalı, 2010, с. 62). Исходя из этого, можно предположить, что во все эти языки могли просочиться адыгские слова. Из арабского и персидского языков они имели возможность перейти и в турецкий.

В нашей статье мы выявляем фонетические изменения подобных фраз, устанавливаем, какое значение в персидском, арабском или турецком языках они выражают. Если в них присутствует семантическая база, мы можем предположить, что это исконные слова. Если же нет, проверяем, где данный термин может иметь денотат: у самих адыгов, будучи на родине / в изгнании, или же в речи народов, с которыми они контактировали по разным причинам. Все используемые слова сверяются с этимологическими словарями адыгских языков. Если мы находим доказательства того, что в кабардино-черкесском и адыгейском языках у термина есть значение, только тогда мы можем утверждать, что он имеет адыгское происхождение.

В процессе разработки статьи нам пришлось просмотреть много словарей. В связи с этим мы хорошо поняли одно – языковеды, независимо от того, какой язык исследуется (турецкий, арабский, персидский), при составлении подобных изданий никогда не обращались к кавказским языкам. Такое замечание можно предъявить не только к вышеназванным языкам, но и к этимологическим словарям европейских языков, где также не рассматриваются кавказские языки.

Приведем несколько примеров слов-возвратов, калькированных турецким языком:

Би – Бей – Бай – Вей: в адыгских языках «бий» является суффиксом. Это заимствованное из турецкого языка прилагательное – «bey» – «бей». То же самое слово в адыгских языках имеет значение «богатый», «зажиточный». В связи с этим появляется необходимость уточнить, из какого языка происходит основа данного термина.

В «Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков» А. К. Шагирова (1977, с. 84) утверждается, что данное слово турецкое и встречается не только в адыгских языках, но и в абхазском «абейа», абазинском «байа», убыхском «бай». У А. К. Шагирова, как и в «Этимологическом словаре турецкого языка» Исмета Ээки Эюбоглу (Eyüboğlu, 1995), оно приводится в значении «богатый», «богач», «хозяин», «барин».

В статье С. К. Абреговой (2007) встречаются шапсугское слово «*бийэ*» и темиргоевское «*чIыхтум-бий-нэшэ*» в значении «крот», которые являются созвучными с нашим исследуемым термином, но несут разные смысловые нагрузки.

В изданном в Анкаре Хасаном Эрен (Eren, 1999, с. 87) «Этимологическом словаре турецкого языка» автор пишет, что слово «*бей*» означает «богатый», «знаменитый», но не углубляется в детали данного вопроса и не уточняет, из какого языка оно было заимствовано.

Вспомним, из каких частей состоит данное слово в адыгских языках: «*бэ+ей*» – «*бей*» (много имеющий), чего не находим в турецком языке. Термин «*бей*» в словарях турецкого языка хоть и имеет значение «богатый», в данном значении используется слово «*зенгин*» (богатый), а не «*бей*» (богатый). Также в турецком языке применяется толкование «*зиухсэн*» (барин), которое в адыгских языках соответствует выражениям *Ахмет Бей* (*Ahmet Bey*), *Рыза Бей* (*Rıza Bey*), *Хьамит Бей* (*Hamit Bey*), используемым в сочетании с именами уважаемых и почитаемых людей и обычно являющимся прилагательными. Тем самым, исходя из того, что в турецком языке термин «*бей* – *бай*» не обладает семантическим содержанием, можно утверждать, что он является исконно адыгским словом, заимствованным турецким языком.

Несмотря на то, что слово «*бей*» ни в адыгских языках, ни в турецком не устарело, оно используется в таком же контексте, как и раньше (сочетаемое с собственными именами), но с некоторыми фонетическими преобразованиями, т.е. прилагательное трансформируется в суффикс, и образуются такие сложные слова, как: *Ахьмэтбий* (Ахметби), *Рызэбий* (Рызаби), *Хьэмьтбий* (Хамитби), *Кьэнцибий* (Каншоби), *Налбий* (Налби), *Нурбий* (Нурби). Таким образом, термин вернулся обратно в адыгские языки.

Халва – Хьэлыуэ – Хьалыу – Helva: русское слово «*халва*» является заимствованным из турецкого языка «*helva*». Встречающийся здесь мягкий согласный “*h*”, фонетически видоизменяясь, перешел в согласный «*х*», следуя за ним, гласная “*e*” трансформировалась в гласную «*a*». Лексических изменений нет.

В этимологических словарях русского и турецкого языков разбираемое слово до конца не исследовано. В «Этимологическом словаре русского языка» Г. А. Крылова (2005, с. 402) находим утверждение, что данный термин калькируется русским языком из арабского. Но автор не приводит никаких аргументов. В арабских словарях мы не нашли каких-нибудь доказательств.

В изданном Хасаном Эрен (Eren, 1999) «Этимологическом словаре турецкого языка» нет упоминаний о слове «*helva*». Исмет Зэки Эюбоглу (Eyüboğlu, 1995, с. 321) пишет, что этот термин произошел от арабского «*хулв*» (*hulv*).

В изданной доктором Рохи Баалбаки (Baalbaki, 1995, с. 487) книге “*A Modern Arabic-English Dictionary*” («Современный арабско-английский словарь») приводятся несколько вариантов термина «*хулу*» (*hulv* – *حُلُو*) из английского языка: “*sweet*” (ИэфI, милый), “*delicious*” (ИэфI, вкусный), “*pleasant*” (гум дьхьа, приятный), “*delightful*” (дахэ дьдэ, восхитительный), “*nice*” (дэгъуэ, хороший), “*beautiful*” (дахэ, красивый), “*pretty*” (лъэгъугъуафIэ, симпатичный). Следует обратить внимание на то, что используется не существительное, а прилагательное, и ни в одной из версий нет адыгского значения слова «*хьэлыуэ*», русское «*халва*».

Наша точка зрения подтверждается тем, что данные три слова и фонетически, и семантически совпадают: арабское “*hulv* – *حُلُو*”, хоть и похоже звуковым составом на другие анализируемые слова, все же имеет иную семантику. Кроме того, по словам Аймана Сижажева, для которого и арабский, и адыгский являются родными, слово «*хулу*» (*hulv* – *حُلُو*) имеет значение «сладкий», но никак не «*хьэлыуэ*». Он также отмечает, что и этот вариант используется только в разговорной речи и имеет значение любой сладости. (Информатор: А. Сижажев родился в 1961 г. в Сирии в г. Хумс, хорошо знает и адыгский, и арабский языки. Спасаясь от войны, вернулся на историческую родину. Сейчас живет в г. Нальчике).

Не случаен тот факт, что при этимологическом анализе в адыгских языках обнаруживается значение исследуемого слова. Здесь можно найти сложные слова: *хьэжыгъэ* (мука), где соединились термины «*хьэ*» (ячмень – растение, из которого делали муку) и «*жьгъеш*» (толочь); *хьэлыгъу* (хлеб): «*хьэ*» (ячмень) и «*лыгъун*» (поджарить); *хьэлывэ* (пирожок): «*хьэ*» (ячмень) и «*вэн*» (варить). Можно предположить, что по такому же образцу образовалось слово «*хьэлыуэ*»: «*хьэ*» (ячмень) и «*уэн*» (бить, трамбовать), где описывается способ приготовления данного блюда, которое плотно утрамбовывается. Оно до сих пор в активном словаре носителей языка. Хоть и немного поменялся вид и процесс готовки этого десерта, так же как и «*хьэлыуэ*», “*helva*” – сладкая.

Данный термин встречается в «Кабардинско-русском словаре» (1957), изданном в 1957 г. под редакцией Б. М. Карданова, где написано, что это «кабардинское блюдо, приготовленное из пшеничной муки, масла и сахара» (с. 416). Но в «Адыгэ-Урыс гушчыIалъ» («Адыго-русский словарь»), изданном в Майкопе в 1991 г. Ю. Тхакаховым, слово «*хьэлыуэ*» трактуется с помощью русского варианта «*халва*» (Тхьакъуахьэ, 1991, с. 252). Таким образом, можно предположить, что слово «*хьэлыуэ*» из адыгских языков, трансформировавшись, вернулось в речь в форме «*халва*».

На основе того, что фонетически и семантически есть соответствие из адыгских языков, мы не сомневаемся, что корни идут именно отсюда. Согласная буква «*у*» в слове и в турецком, и в русском языках преобразовалась в согласную «*в*», т.к. в этом слове «*у*» обозначает согласный звук, чего нет в обоих языках. На сегодняшний день представители адыгского народа, живущие на родине, используют вариант русского языка «*халва*» (хьэлыва), обозначая сладость, которую изготавливают из семечек. А под словом «*хьэлыуэ*» понимают исконное блюдо из пшеничной муки, топленого масла и патоки.

Делэ – Deli – Дейлей – Дэйлэй: слово «*делэ*» используется в адыгских языках в значении «сумасшедший», «глупый» как заимствование из турецкого языка. В «Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков»

А. К. Шагилова (1977, с. 150) мы находим турецкое слово “*deli*”, татарское «*тилэ*», карачаево-балкарское «*тели*», русское «*глупый*», «*безрассудный*». Но этот термин не анализируется в приведенных языках. Исмет Эзги Эюбоглу (Eyüboğlu, 1995, с. 175) в «Этимологическом словаре турецкого языка» приводит термин «*делэ*» (сумасшедший), который произошел от глагола “*delmek*” (дырывать), где отпадает масдарный суффикс “*mek*” и прибавляется гласная “*i*”: “*telü – teli – delü – deli*” (глупый). Но исследователь не может не знать, что суффикс “*i*” в турецком языке, присоединяясь к глаголу, не может образовать прилагательное. Автор не объясняет до конца, каким образом глагол фонетически трансформируется и переходит в прилагательное и почему суффикс “*mek*” отпадает и присоединяется гласная “*i*”. По правде говоря, структура слова “*deli*” не подходит к турецкому языку. Исходя из этого, мы без сомнений можем утверждать, что это не турецкое слово. В «Этимологическом словаре турецкого языка», составленном Хасаном Эрен, нет комментариев к данной фразе.

Так как в словарях персидского и арабского языков нет исследуемого термина, нам остается проанализировать его, исходя из материалов адыгских языков. Если слово было бы заимствованным, как пишет А. К. Шагилов (1977, с. 150), то адыги, не обращаясь к далекому турецкому языку, взяли бы вариант или карачаево-балкарского языка «*тели*», или татарского языка «*тилэ*».

По нашему мнению, слово “*deli*” образовалось с помощью слов «*дэй*» и «*лей*». В адыгских языках часть слова «*дэй – дэйы*» в абадзехском, темиргоевском диалектах выражает «*лей*» (плохой), антоним слова «*дэгъуэ*» (добротный, красивый). Вторая часть «*лей – лыйэ*» и в литературных адыгских языках, и в каждом диалекте имеет смысл «лишний», «избыточный». Такую же трактовку мы встречаем и в «Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков» А. К. Шагилова (1977, с. 146).

Кроме этого, в адыгейском языке находим слово «*делэлулэ*» (умалишенный), которое формируется путем соединения прилагательных «*делэ*» (глупый) и «*лулэ*» (глупый) (Тпэшъу, Челиккыран, 1992, с. 43; Хатанов, Керашева, 1960, с. 114). В «Словаре кабардино-черкесского языка» (1999, с. 125) приводится термин «*делэлулафэ*» (придурковатый), который образовался из тех же самых элементов.

Таким образом, приведенные доводы служат доказательством того, что слово «*дейлей – дэйлэй*» вошло в словарь турецкого языка и устарело в адыгских языках. Тем самым оно трансформировалось – согласная буква «*й*» в середине и в конце слова утратилась, гласная «*э*» в конце слова перешла в гласную “*i*” и в таком виде укоренилась в турецком языке. В процессе вхождения этого термина в обиход адыгских языков опять же произошли фонетические изменения – гласная “*i*” в слове “*deli*” перешла в гласную «*э*» и в итоге получилось слово «*делэ*».

Заключение

Подводя итоги, необходимо сказать, что заимствованные из адыгских языков слова в полной мере не разработаны. В перечне таких выражений есть и устаревшие термины, и те, которые до сих пор используются в активном словаре носителей языка. Некоторые калькирования усваивались путем торговых и иных взаимодействий на исконной земле адыгов, а некоторые заимствовались из речи адыгов, когда те были уже в изгнании. Их исследование имеет огромное значение как для народа, культуры и языка, так и для историографии, т.к. исследуемые слова являются доказательством того, что адыгские языки внесли свой вклад в развитие языков, культуры, истории разных государств.

Исследуя имеющиеся этимологические словари по разрабатываемым языкам, мы нашли много интересных терминов, которые необходимо изучить подробнее, они ждут своего часа. Наша статья является доказательством того, что адыгские языки имели тесную связь с турецким, арабским и др. языками, что не могло не повлиять на лексический состав этих языков. Слова могли заимствоваться с некоторыми фонетическими изменениями или же в первоначальном виде. Неудивительно, что некоторые заимствования имели возможность вернуться в исконный язык – также посредством тесных связей, хотя подобные выражения уже некоторое время перестали существовать в речи и для современных носителей языка считаются «чисто» заимствованиями, а не исконными словами.

Перспективы и направления дальнейших исследований видятся в продолжении сравнительно-сопоставительных работ, анализе и описании языков адыгских диаспор (сходства и различия речи адыгов в зарубежных странах и на исконной родине).

Источники | References

1. Абрегова С. К. Значение лексики шапсугского диалекта для исторической лексикологии и ее роль в обогащении словарного состава адыгейского литературного языка (на материале «Русско-черкесского или адигского словаря» Л. Я. Люлье) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2007. Вып. III. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2007.3/516/abregova2007_3.pdf
2. Балкаров Б. Х. Лексические встречи адыгских языков с дагестанскими // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Серия филологическая. 1964. Т. XX.
3. Кабардинско-русский словарь. 20000 слов / сост. М. Л. Апажев, Н. А. Багов; под ред. Б. М. Карданова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957.
4. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфсервис, 2005.

5. Словарь кабардино-черкесского языка. Около 31000 слов / Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Изд-е 1-е. М.: Дигора, 1999.
6. Тӕшъу М., Челиккыран Я. Адыгӕ-Тырку гуыцӕлӕл. Майкоп: Адыгӕ тхылъ тедзапӕ, 1992.
7. Тхъакъуахъо Ю. Адыгӕ-Урыс гуыцӕлӕл. Майкоп: Адыгӕ тхылъ тедзапӕ, 1991.
8. Хатанов А. А., Керашева З. И. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп: Адыгское книжное издательство, 1960.
9. Шагиров А. К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков / отв. ред. В. И. Абаев; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1989.
10. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2-х т. М.: Наука, 1977. Т. I.
11. Шинкуба Б. Жылакӕ. Налшык: Эльбрус, 1989.
12. Baalbaki R. A Modern Arabic-English Dictionary. Beirut: Nasrallah, 1995.
13. Eren H. Türk Dilini Etimolojik Sözlüğü. 2. Baskı. Ankara: Bizim Büro Basım Evi, 1999.
14. Eyüboğlu İ. Z. Türk dilinin etimoloji sözlüğü. İstanbul: Sosyal Yayınlar, 1995.
15. Kafkasyalı A. İran Türkleri. İstanbul: Bilge Oğuz Yayınları, 2010.

Информация об авторах | Author information

Джанкылыч Аднян¹

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик

Dzhankylych Adnyan¹

¹ Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik

¹ adnan_cankilic@hotmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.04.2022; опубликовано (published): 31.05.2022.

Ключевые слова (keywords): адыгские языки; язык диаспор; заимствования; турецкие языки; возвратные слова; Adyghe languages; language of diasporas; borrowings; Turkish languages; reflexive words.